

ТАЙНА ИСПОЛНЕНИЯ

Мариэтта ШАГИНЯН

Когда в сентябре 1948 года молоденькая армянка Гоар Гаспарян впервые вступила на землю своих предков, никто в Советской Армении не знал ее как певицу. Среди тысяч репатриантов и она была репатриантка, двадцатипятилетняя женщина, приехавшая вместе со своим мужем на Родину. И первые ее шаги на родной земле отнюдь не были шагами профессионала; нужно было устроиться, «создать очаг». Муж поступил на работу и ходил на службу, она родила дочку, названную древнейшим армянским именем Седа. Быть может, я никогда не спрашивала об этом певицу — вот в этом и заключалось для нее простое человеческое счастье, которое она от души хотела украсить своим личным даром: петь для семьи, для близких, для себя.

Но в советском обществе даро-

вание не удержишь под спудом. Вокруг все работали, каждый отдавал, что мог, народу; женщины служили, как мужчины; впервые увидела Гоар Гаспарян новых, свободных женщин в стране социализма, занятых, как и их мужья и дети, получающих за работу столько же, сколько они, женщин на университетской кафедре, в будке паровоза, в одежде милиционера — всюду. А за Гоар Гаспарян были десять лет не только учебы у двух крупных итальянских вокалистов, у Элиса Фельдман, технически поставившей ей голос, и у Винченцо Каро, первого дирижера в Неаполе, прошедшего с нею сложный репертуар, современный и классический; за певицей были 1300 концертов, данных ею с большим успехом в Каире, где она родилась и выросла.

В то время муж Гоар обратился

в Комитет по делам искусств Армении с просьбой прослушать его жену, которая «выступала в Каире». И когда перед музыкантами Еревана впервые зазвенел чистый и свежий голос певицы из Египта, судьба ее сразу была решена. После первого же концерта в Филармонии слава Гоар Гаспарян, как новой замечательной вокалистки, облетела Закавказье, дошла до Москвы. Много раз сообщалась в печати и по радио и ее биография, но именно в части «египетской» как наиболее романтической. Наш советский слушатель знает эту историю девочки, родители которой обеднели и не могли платить за ее уроки пения; и как девочка начала сама зарабатывать своим пением, чтоб оплатить уроки. Но, на наш взгляд, самая интересная часть биографии Гоар Гаспарян начинается на советской земле.

Искусство пения — сложная вещь. Скрипка поет в руках человека, но скрипки бывают разные, разных мастеров, хорошие, плохие, замечательные. И в самом гениальном исполнении это качество самой скрипки всегда будет ощутимо, как бы ни была она подвластна скрипачу. Инструмент человеческого пения — горло — ставится, обрабатывается, тренируется школой; и школа бывает ошутима в любом профессиональном исполнении, как бы непосредственно ни пел певец. Но, кроме инструмента и мастерства исполнения, есть еще третий компонент, всегда, в любом искусстве присутствующий, — сам человек, не мастер, не исполнитель, а человек, — с его характером, нравственной сущностью, вкусами, судьбой. Замечательный роман «Консуэлло» Жорж Санд, знакомый советскому читателю и любимый им, с большой художественной силой показал эту долю участия характера человека в его профессиональном мастерстве: вокруг маленькой испаночки Консуэлло были очень от природы одаренные певцы и певицы, с превосходным горлом, с прекрасным голосом, но характеры у них были разные. Особенность этих характеров — честолюбие без высоких целей; тщеславие, связанное с корыстолюбием; легкомыслие, стремящееся к легкодоступному, — по-своему отразилось на отношении певца сперва к школе, потом к профессии. Мы видим в книге целую галерею портретов вокалистов, у которых характер встает помехой таланту, сперва мешая использовать школу, потом роковым образом отражаясь на исполнении, которое становится все формальней, бездушней и несовершенней.

Самая замечательная часть биографии Гоар Гаспарян — это развитие лучших черт ее характера на советской земле. Школа у нее была уже в прошлом, отличная итальянская школа пения, с упором звука «на диафрагму», как учил когда-то в Московской консерватории итальянский профессор Джиральдони своих учеников; и эта школа была отлично пройдена и освоена Гоар Гаспа-

рян. Самые виртуозные арии со всевозможными звуковыми украшениями без слов (фиоритурами, как говорят итальянцы) она исполняла легко и без напряжения; грациозно подходила к верхнему «ля» в третьей октаве и брала его без искажения тембра своего голоса; прекрасно передавала самые сложные и быстрые речитативы итальянских опер, — словом, владела всеми возможностями своего голоса с тою свободой, какую дает хорошая школа. Но в Армении она встретила с тем, к чему в Египте совсем не относилась и не могла относиться как к предмету изучения и мастерства, — она встретила с концертным и театральным исполнением армянской национальной музыки, выросшей из народной армянской песни.

Конечно, Гоар Гаспарян пела армянские песни и в Каире, но то были «домашние», крылатые песни, как бывают залетные и перелетные птицы, не свивающие себе прочных гнезд в пути. Никто не смотрел на такие песни как на предмет науки и искусства. Вот почему в первое время строгие ценители музыки в Армении поговаривали: да, Гоар Гаспарян — прекрасная певица, но только для европейского репертуара; армянские песни она исполняет гораздо хуже, чем наши местные республиканские певицы.

Знала ли Гоар Гаспарян об этих разговорах, слышала ли их? С присущей ей натуре простой, почти детской любознательностью и бесхитростностью она широчайшим образом, хотя без всякого шума и почти незаметно для окружающих, открыла себя, свое восприятие для нового мира, встретившего ее в Советской Армении. Родной язык, на котором она говорит с мужем и дочкой, армянский, стал связью ее с этим окружающим миром. Очень скоро не как посторонний, приезжий человек, а как хозяйка и мать Гоар Гаспарян освоила все новые для нее стороны жизни, отношения между людьми и вещами, общественные и бытовые, идеи, лежащие в их основе, встающие из книг, из музыки. Помню ее первое письмо ко мне. Гоар Гаспарян писала о том, как хотелось бы ей, чтобы Комитет по делам искусств повез на декаду «Ануш», а не «Лакме», потому что ей очень хочется петь перед москвичами именно в армянской опере «Ануш». И видно было, что пишет это советский человек, словно и не три года, а всю свою жизнь проведший на советской земле.

Гоар Гаспарян стала петь в армянской государственной опере «Ануш», и так петь, что всякие разговоры о ее менее совершенном исполнении армянского репертуара навсегда прекратились. Чудесная, настоящая деревенская девушка из гениальной поэмы Туманяна, овеянная воздухом Лорийского нагорья, простая, любящая, трагическая, с типичными армянскими тембровыми интонациями в голосе, запела со сцены перед ереванцами, и они не могли не признать в ней подлинную Ануш. Далось ли это без всяких усилий и занятий? Думаю, что нет. Гоар Гаспарян со своей аккомпаниаторшей, прекрасной пианисткой Галиной Александровой, много и упорно работала все эти годы. Но главное все же было в характере, в той особой человечно-

сти, точнее сказать, женственности, натуры Гоар Гаспарян, которая выражается в ее открытом, доверчивом, быстро и сердечно воспринявшем интересе ко всему окружающему, в глубине жизни, которой она живет. Не через школу, а через сердце усвоила она и народную интонацию в армянской вокальной музыке.

Между тем, как далекая, звущая мечта, — сквозь успехи, труды и дни молодой певицы — вставала все ярче, все заманчивей мысль об истоке того нового мира, какой она видела вокруг, — о родине всего советского, сердце, откуда зажглась и засияла новая правда для человечества, — мысль о Москве. Каждый репатриант, приезжающий в Армению, рано или поздно загорается этой мыслью. Я слышала от армян-коммунистов из Болгарии, работавших на одном из ереванских заводов, горячую фразу: «Вот перевыполнил план, окончим свою пятилетку в три года и получим командировку в Москву!». Старый армянин из Ирана, уже не надевавшийся отъехать далеко от порога нового своего домика, сказал, кивнув на внука: «Этот побывает, увидит Москву!». И Гоар Гаспарян стала мечтать о Москве.

В ее репертуаре было много арий на самых разных языках. Живя в Каире, она знала немножко арабский; в семье говорила по-армянски; с заезжими туристами — по-английски; пела по-французски и по-итальянски. Мы знаем, как часто не только отдельные певцы, но и целые коллективы, приезжая в Россию и прочно оседая, исполняли свой репертуар на иностранном языке; в памяти моего поколения французский «Михайловский» театр старого Петербурга. В эпоху Пушкина и позже существовала постоянная итальянская опера. Два — три словечка, произносимые с иностранным акцентом, — вот все, что можно было иногда услышать от этих артистов по-русски. Но Гоар Гаспарян почувствовала, что понять Москву и петь в Москве без знания русского языка гражданке великого Советского Союза никак нельзя. Она взялась за учебу по-серьезному, напряженно, упорно, стала перучивать весь свой репертуар и сейчас готовит по-русски не только арии Людмилы, Антонида, Шамаханской царицы, но и западную классику. Виолетту («Травиата») и Розину из «Севильского цирюльника» учит по-русски.

Натура, широко открытая для восприятия, сочетается в Гоар Гаспарян с необыкновенной щедростью самоотдачи. Трудно найти певицу, которая бы откликнулась на просьбы слушателей с большей щедростью, нежели она. Хочется иной раз сказать: «Да пожалейте же свое горло, будет, довольно!». А Гоар Гаспарян выходит и выходит на бис, легко, как птица, без малейшей профессиональной расчетливости поет и поет труднейшие арии, наслаждаясь при этом сама, потому что петь для нее — значит выражать себя, утверждать себя в жизни, жить...

Москва полюбила и оценила молодую замечательную певицу. Хорошо, когда мы чувствуем в мастере вместе с большим его мастерством простого и доброго человека. Это всегда тот ключ, которым определяется и разгадывается тайна исполнения.

Гоар Гаспарян.

Фото Е. Умнова.